

УДК 891.161.1-93

А.С. Янушкевич

**ПИСЬМА В.А. ЖУКОВСКОГО К А.М. ТУРГЕНЕВУ:
ОПЫТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ¹**

Работа над Полным собранием сочинений и писем В.А. Жуковского в 20 томах, предпринятая кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета, открывает новые пласты жизни и творчества великого русского поэта. Репрезентантом этого процесса становится и эпистолярный Жуковского, во многом еще не известный читателю. В предлагаемой статье – опыт описания и исследования одного из многочисленных сюжетов его эпистолярного наследия. Письма к А.М. Тургеневу впервые рассматриваются как своеобразная творческая система и «поведенческий текст».

Ключевые слова: творческое наследие В.А. Жуковского, русский эпистолярный.

«Одно только знай, что не проходило дня, в который бы я о тебе не думал с любовью. <...> До сих пор я всё твой по-прежнему и на всю остальную жизнь...»

Из письма Жуковского к А.М. Тургеневу от 12 октября н. ст. 1841 г.

«На тебя смотрит вся Россия, вся Европа! Первая утешает себя мыслию упования наслаждаться благоденствием, уготованным трудами и попечением твоими при развитии душевных качеств высокого питомца твоего. Вторая знает тебя как знаменитого автора. Ты не принадлежишь сам себе; имя твое будет известно в позднейшем потомстве...»

Из дневника А.М. Тургенева от начала августа 1837 г.

I. Об адресате писем и его дочери

Александр Михайлович Тургенев (1772–1862), участник Отечественной войны 1812 г., один из просвещенных деятелей первой половины XIX в., сначала на военном, а затем и на гражданском поприще. Его военная карьера закончилась чином капитана лейб-гвардейского полка и старшего адъютанта Главного штаба. После сражений под Дрезденом и Кульмом возвратился в Россию и с 1814 г. был переименован в коллежские советники. Управляющий Феодосийской портовой таможенной, окружной начальник в Брест-Литовской

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры России» на 2009–2013 гг. Лот «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области филологических наук и искусствоведения», шифр 2010-1.1-304-125), гос. контракт № 14.740.11.0230, тема: «Текстология русской классической литературы: переписка В.А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века».

таможне, начальник Астраханского таможенного округа, с 1823 г. статский советник и тобольский гражданский губернатор, с 1828 г. был назначен казанским губернатором, но не успел войти в должность, так как вскоре был назначен директором медицинского департамента: в 1829 г. уволен от должности в чине действительного статского советника – таковы этапы его гражданского поприща.

Коренной москвич, он славился хлебосольством. Эта репутация сопровождала его и позже и колоритно передана в мемуарах его родственницы и воспитательницы его дочери Н.М. Еропкиной (1808–1895), рассказавшей о баснописце И.А. Крылове, который был завсегдаем дома Тургенева в Петербурге в 1840-е гг., удовлетворяя здесь свои гастрономические потребности [1. С. 270–278].

Яркий рассказчик, он оставил свои «Записки» и вошел в историю русской культуры как интересный мемуарист, очевидец и летописец четырех царствований [2]. Устные рассказы Тургенева об этих событиях нашли отражение и на страницах «Дневников» Жуковского [3. С. 242, 246].

С Жуковским его связывала многолетняя дружба. Их переписка 1833–1851 гг. – свидетельство глубокой духовной связи. «Ермолафушка» (как называл Жуковский друга) был объектом его постоянных забот. Личная жизнь Тургенева сложилась драматически. Он поздно, в 63 года, женился на Пелагее (Паулине) Христофоровне Литке (1807–1836), которая была его младше на 35 лет. Через год, после рождения ребенка, жена умерла, и вся жизнь вдовца была посвящена воспитанию дочери Ольги. Жуковский помогает ему материально в дни «денежного отлива», «готов быть опекуном его дочери делом, а не званием». Накануне своей поздней женитьбы Жуковский именно Тургенева делает доверенным лицом, выслушивая его «наставления» самого интимного характера [4. С. 240]. В 1840-е гг. из-за границы он обращается к А.П. Елагиной и П.А. Вяземскому с просьбой помнить «старика Ермолафа» [4. С. 113, 116; 5. С. 66].

В свою очередь А.М. Тургенев называл Жуковского «любезный, искренний, истинный друг мой, родной не по телу, родной мне по душе, добрый мой, чистая душа Андреевич» [6. С. 249]. Он был спутником поэта в Москве в 1837 г., куда Жуковский приехал с наследником, и описал свои прогулки с поэтом, свои впечатления в дневнике. Эти дневниковые записи с 27 июля по 4 августа 1837 г. имеют обращение к Жуковскому (см. эпиграф) со следующим за ним подзаголовком: «Ермолафия, собственно до тебя относящаяся» [7. С. 6 второй пагинации] (от семинарского, шутивого словечка «ирмология», означающего шумную, бестолковую болтовню, пустословие) [8. С. 521], за что их автор и получил прозвище Ермолаф.

Точных сведений о времени знакомства Жуковского с А.М. Тургеневым пока обнаружить не удалось. Первое известное нам упоминание о нем относится к концу 1828 г. В письме к А.И. Тургеневу от 28 декабря 1828 г. из Петербурга читаем: «Александр Михайлович Тургенев здесь. Я давал ему читать и письмо, и оправдания брата (имеется в виду Н.И. Тургенев. – А.Я.) и подарил ему его портрет» [9. С. 248]. Как известно из писем А.Ф. Бригена, и позднее А.М. Тургенев принимал самое активное участие в судьбе Николая Тургенева и вопреки некоторым утверждениям о том, что они были просто

однофамильцами, Бриген прямо называет А.М. Тургенева «его родственником» [10. С. 395]. Заметим, что А.М. Тургенев был и дальним родственником И.С. Тургенева.

Представитель древнего дворянского рода, А.М. Тургенев был для Жуковского прежде всего человеком чести и воплощением высокой нравственности. Он ценил его как общественного и государственного деятеля. В письме Николаю I об амнистии декабристов от 1837 г. он рекомендует своего друга, который «есть воплощенная честность и здравый смысл», «был в Сибири, знает всю Россию, знаком со всеми состояниями и всеми их нуждами и занимал такие должности, в коих легко бы мог нажиться, но совершенно беден и теперь был бы без куска хлеба, если бы вы же сами о нем не позаботились» [11. С. 78], в качестве гаранта гражданских свобод в Сибири. Именно поэтому забота о нем и его дочери для Жуковского была нравственной обязанностью и выражением глубокой симпатии. В этом смысле его письма к А.М. Тургеневу – это своеобразный «поведенческий текст», когда слова поэта есть одновременно и дела его.

Дочь А.М. Тургенева Ольга Александровна (в замужестве Сомова; 1836–1872), по существу, еще один адресат писем Жуковского к ее отцу. Жуковский не только упоминает ее почти в каждом письме и передает ей приветы, но и постоянно «не на словах, а на деле» заботится о ее наследстве, воспитании и образовании. Когда Жуковский уехал за границу, дочери Тургенева было всего 5 лет (в Онегинском собрании ПД сохранился акварельный портрет работы К.А. Горбунова, где она изображена вместе с отцом в возрасте трех лет [12. С. 106]), больше ее увидеть ему не удалось.

В истории русской литературы имя О.А. Тургеневой связано прежде всего с именем ее дальнего родственника И.С. Тургенева. Ради образования своей дочери А.М. Тургенев во второй половине 1844 г. переселяется в Петербург. Ср. в письмах Жуковского от 15 (27) марта 1844 г.: «Итак, ты решил отдать Ольгу в институт и сам для нее переселяешься в Петербург» и от 14 (26) августа 1844 г.: «Хорош ты: пишешь, что едешь в Петербург, и не назначаешь, когда и как адресовать тебе письма» [13. С. 380, 383]. Ср. также письмо Жуковского к Р.Р. Родионову от 14 (26) августа 1844 г.: «Вот вам письмо к Тургеневу, мой любезнейший Ростислав Родионович. Прошу его отыскать в Петербурге. Я его адреса не знаю. А след к нему через Екатерининский институт, где у него дочь. Он только что переселился из Москвы в Петербург для этой дочери. И я его особенно вам рекомендую; если может оказаться случай в чем-нибудь ему помочь, не откажитесь от этого по дружбе ко мне. Он мне искренний давнишний приятель. Вы сами полюбите его, когда узнаете» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 126. Л. 22). Прекрасное воспитание и образование, природный ум, женское обаяние, талант пианистки – все это уже после смерти Жуковского, в 1854 г., сделало дачу А.М. Тургенева в Петергофе притягательным местом для петербургских литераторов, а душой этого общества стала восемнадцатилетняя Ольга Александровна. Летом 1854 г. вместе с Анненковым, Дружининым, Некрасовым и Панаевым И.С. Тургенев часто бывал в доме ее отца. Увлечение Тургенева Ольгой не осталось тайной для его друзей. «Здесь мне рассказывали про него, – писал И.С. Аксаков отцу 21 августа ст. ст. 1854 г., – что он женится... на какой-то Тургеневой же» [14.

С. 50]. Уже в самом начале 1855 г. в письме от 6 (18) января Тургенев выражает неудовольствие распространившейся молвой о его женитьбе: «Нужно прекратить слухи и сплетни, повод к которым подало мое поведение» [15. С. 254]. Последовавшее письмо к О.А. Тургеневой, удивительно напоминающее и по содержанию, и по тону письмо Онегина к Татьяне: «Ольга Александровна, позвольте прежде всего поблагодарить вас за ваше решение написать ко мне. Я сам давно желал откровенно поговорить с вами – но без вашего письма, вероятно, наши отношения так бы и кончились немо и глухо. <...> В мои лета смешно оправдываться необдуманностью первых порывов – но другого оправдания я не могу представить – потому что оно одно истинно. Когда же я убедился, что чувство, которое во мне было, начало изменяться и слабеть – я и тут вел себя дурно. Вместо того, чтобы предаваться тем бессмысленным желчным выходкам, которые вы переносили с такой простотой и кротостью – я должен был тотчас уехать... Вы видите, что виноват я один – и только женское – скажу более, только девственное великодушие чистой души – может еще даже не пенять на человека, сделавшего всё это – чуть не обвинять само себя!» [15. С. 254] – стало финалом этой «первой любви» Ольги Тургеневой.

Очевидец этих драматических событий П.В. Анненков так прокомментировал эту ситуацию в своих воспоминаниях: «Он [Тургенев] не отвечал ни на одну из симпатий, которые шли ему навстречу, за исключением разве трогательных связей его с О.А. Т<ургеневой> в 1854 году, но и она длилась недолго и кончилась, как кончаются минутные вспышки, капризы и причуды, на которые он разменял свирепое одушевление истинной страсти, то есть мирным разрывом и поэтическим воспоминанием о прожитом времени» [16. С. 382].

Другой участник происходившего на петергофской даче летом 1854 г., А.В. Дружинин, видимо, и сам тщательно скрывавший свои чувства к Ольге Тургеневой под покровом напускного цинизма, заметил в своем дневнике: «Счастлив будет человек, которому в жизненной лотерее достанется le gros lot (главный выигрыш. – А.Я.) с именем О.А. А я всё это знаю и даже не могу думать о том, чтобы брать билет в эту лотерею» [17. С. 353].

«Одним прекрасным, чистым существом на свете меньше» [15. С. 282], – писал И.С. Тургенев Анненкову, узнав о ранней кончине О.А. Но, как убедительно доказали исследователи, «поэтическое воспоминание о прожитом времени» получило отзвук в тургеневском творчестве. В повести «Переписка» образ героини Марии Александровны и в романе «Дым» в облике «троюродной сестры и невесты» Литвинова Татьяны Шестовой и ее тетушки Капитолины Марковны – следы увлечения О.А. Тургеневой и посещения дачи ее отца, где постоянно рядом с ней была ее тетушка и воспитательница Н.М. Еропкина [18. С. 293–299; 19. С. 251–159; 20. С. 267–269]. Возможно, пророчески прозвучали в «Дыме» слова Капитолины Марковны, упрекающей Литвинова: «Вы не смотрите на нее, что она теперь храбрится, ведь вы знаете, какой у нее нрав! Она никогда не жалуется; она себя не жалеет, так другие должны ее жалеть! Вот она теперь мне толкует: «Тетья, надо сохранить наше достоинство!», а какое тут достоинство, когда я смерть, смерть предвижу. <...> И что такое могло сделаться? Приворожили вас, что ли? Давно ли вы

писали ей самые нежные письма?.. Одумайтесь, пока есть время, не губите ее, не губите собственного счастья, она еще поверит вам...» [21. С. 381].

Роман «Дым» был закончен в 1867 г., за пять лет до кончины Ольги Тургеневой. Известно, что А.М. Тургенев «просватал в Париже дочь свою за Сомова, л[ейб]-уланского офицера, очень доброго молодого человека» и что «жених человек чрезвычайно добрый и кроткий. Наружности хоть и некрасивой, но нельзя сказать, чтобы был дурен собою, но не крепкого здоровья. По кротости и доброте эта чета должна быть счастлива» [10. С. 395–396]. Свадьба состоялась в конце июля 1858 г. О том, как сложилась семейная жизнь О.А. Тургеневой и Сергея Николаевича Сомова, неизвестно. Известно только, что от этого брака родились двое детей – сын и дочь, которые участвовали в сохранении памяти о своем деде и матери, подготовив к печати «Записки» первого и воспоминания о второй.

Такова судьба одного из адресатов Жуковского. Залогом их дружбы стали не только письма, но и два портрета А.М. Тургенева работы Жуковского, которые хранятся в Государственном историческом музее (ГИМ) [12. С. 105] и пока недоступны нам.

II. Состав переписки Жуковского с А.М. Тургеневым и ее содержание

На сегодняшний день опубликовано **42 письма Жуковского к А.М. Тургеневу** (Русская старина. 1892. № 11. Нояб. С. 361–397; три из них ранее были напечатаны там же [22] (в дальнейшем тексты писем цитируются по полной публикации, с указанием страницы в скобках) **и 6 ответных писем** (Там же. 1893. № 1. Янв. С. 249–253), с приложением «Заметки А.М. Тургенева, написанной после смерти В.А. Жуковского».

Автографы всех писем находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома:

- 1) Ф. 187 (Модзалевский). № 11. Л. 1–107 – письма Жуковского;
- 2) Р-І. Оп. 9. № 99 – письма Тургенева.

Кроме того, копии писем Жуковского за 19 февраля 1836 г. и 3 ноября 1842 г. имеются в архиве журнала «Русская старина» (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 3863. Л. 1–6).

К сожалению, работа по сверке печатных текстов и их автографов еще не закончена. Можно сказать только одно: количество известных писем, особенно ответных, возрастет.

По времени написания печатные письма располагаются следующим образом:

Письма Жуковского к А.М. Тургеневу от 6 апреля 1833 г., 7 мая 1835 г., около 11 мая 1835 г., 1 июля 1835 г., 5 сентября 1835 г. (?), 14 сентября 1835 г., 19 февраля 1836 г., 27 марта 1836 г., 17 апреля 1836 г., б.ч. 1836 г., 20 апреля 1836 г., 19 октября 1836 г. (все даты – по старому стилю), 12 (24) октября 1841 г., 1 (13) января 1842 г., 4 (16) января 1842 г., 19 апреля (1 мая) 1842 г., б.д. 1842 г. (датировка, предложенная при публикации этого письма в РС: 1842 г., не соответствует содержанию письма, где речь идет о переезде Жуковского во Франкфурт, который состоялся во второй половине мая 1844 г., об устройстве на новом месте, которое продолжалось «более двух

месяцев», а также о второй беременности жены поэта: сын Павел, второй ребенок Жуковского, родился в ночь с 31 декабря 1844 г. на 1 января 1845 г., так что, скорее всего, это письмо может быть датировано началом августа и предшествует письму от 14 (26) августа 1844 г.), 3 (15) октября 1842 г., 2 (14) ноября 1842 г., 10 (22) февраля 1843 г., 25 апреля н. ст. 1843 г., ноября 1843 г., 15 (27) марта 1844 г., 12 (24) апреля 1844 г., 11 (23) мая 1844 г., 14 (26) августа 1844 г., 3 ноября н. ст. 1844 г., 4 (16) января 1845 г., 4 (16) февраля 1845 г., 18 (30) октября 1845 г., 18 (30) марта 1846 г., 6 (18) апреля 1846 г., 7 июня н. ст. 1846 г., 5 (17) мая 1847 г., 10 (22) июня 1847 г., 18 (30) октября 1847 г., 11 ноября н. ст. 1847 г., 7 (19) апреля 1848 г., 27 декабря 1848 г. (6 января 1849 г.), 20 марта (1 апреля) 1851 г., б.д. 1851 г., 8 (20) ноября 1851 г.

Письма А.М. Тургенева к Жуковскому от 22 сентября ст. ст. 1841 г., б.д. 1841 г., 25 декабря ст. ст. 1841 г., 18 января 1842 г., 20 марта 1842 г., б.д. [1848].

Из дневниковых записей известно, что Жуковский писал Тургеневу 28 августа (9 сентября) 1840 г. [З. С. 220], 9 (21) октября 1841 г. [З. С. 262] (возможно, это то самое письмо, которое датировано в «Русской старине» 12 (24) октября 1841 г.). По всей вероятности, и лакуна за 1837–1840 гг. была заполнена письмами, о чем свидетельствуют личное общение в Москве в эти годы и находящиеся в архиве письма Тургенева к Жуковскому о гибели А.С. Пушкина.

В редакционном предуведомлении к первой публикации писем Жуковского читаем: «Письма к нему [А.М. Тургеневу] В.А. Ж<уковского> далеко не богаты фактическим содержанием; тем не менее, мы не имеем права оставить их без внимания как потому, что они вновь дают ряд весьма характерных черт для обрисовки симпатичной личности воспитателя императора Александра II, так и потому, что хотя и косвенно знакомят нас с другом Жуковского – А.М. Тургеневым» (С. 361–362).

Уже палитра обращений Жуковского к адресату: «Шут ты полосатый», «душа моя», «мой милый Александринус», «мой милый Михайлыч», «душа моя Михайлыч», «любезный мой Михайлыч», «бесценный бедный мой друг», «мой милый», «мой добрый, бесценный, всем сердцем любимый друг и брат», «милый мой друг Ермолаф», «любезный Ермолаф», «душенька», «смешной ты шут», «сердечный мой Медведь Михайлыч», «братец», «друг мой Ермолафушка», любезнейший Александр Михайлович – передает характер их отношений – сердечно-дружеский, приятельский. Именно поэтому трудно обозначить круг вопросов, которые определяют содержание их переписки. Вряд ли можно говорить специально о литературно-эстетической, общественно-политической, финансово-деловой проблематике их писем, хотя отзвуки всех этих тем присутствуют в пространстве их эпистолярного диалога. И все-таки его природа другая. Это письма о жизни вообще, о ее смысле.

Антропологическое пространство писем Жуковского к А.М. Тургеневу определяется философией терпения как формы самостояния. Когда-то, в эпоху своей трагической любви к Маше Протасовой и добровольного отречения от счастья семейной жизни, Жуковский в контексте дневниково-эпистолярной прозы 1814–1815 гг. обозначил «любимой фразой» [23. С. 200]:

«На свете много прекрасного и без счастья...» [9. С. 151] свою философию жизни. Эта нравственная концепция способствовала расширению сферы эстетической рефлексии, того состояния, когда «душа распространяется», а в историко-литературной перспективе была остро воспринята Ф.И. Тютчевым, который так это выразил в письме Жуковскому от 6 (18) октября 1838 г.: «Не вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме счастья. В этом слове есть целая религия, целое откровение...» [24. С. 33] (подробнее см.: 25. [С. 117–146]).

Уже в этой философии были заложены те принципы нравственного стоицизма, которые впоследствии были сформулированы как «смысл жизни». В известном стихотворении конца 1841 г. «Друг мой, жизни смысл терпенье...», написанном в Дюссельдорфе и связанном с новыми реалиями бытия: переездом за границу, семейной жизнью, болезнью жены, Жуковский намечал новые ориентиры своего поведенческого текста. В этом смысле его письма к А.М. Тургеневу выявляют вехи этого пути. Как уже было сказано выше, в самом начале 1836 г. Тургенев переживает страшное нравственное потрясение: 11 февраля, всего через год после вступления в брак и через несколько дней после рождения дочери, 64-летний Тургенев теряет жену и остается вдовцом. Письмо Жуковского от 19 февраля 1836 г. – выражение его философии смирения и утешения. «Для таких несчастий, каково твое, – пишет он, – нет никакого слова и даже никакого возможного утешения ни теперь, ни после. Тут не к кому бежать, кроме Бога, и у Него только можно просить одного смирения и терпения. Он один тут истинный друг и прибежище; в эти минуты с Ним крепко знакомишься и дружишься» (С. 365).

В большом письме от 12 (24) октября 1841 г., своеобразном отчете «любимому другу и брату» о первых месяцах супружеской жизни, рассказывая и о своем венчании, и об устройстве семейного очага, о болезни жены, Жуковский констатирует: «Были для меня и минуты глубокой грусти, и нежного сострадания, и томительного страха. Но взяв всё вместе, могу только благодарить Бога – он горем знакомит с собою и к себе приближает душу. В этом смысле житейские беды суть перлы жизни – вот тебе вкратце, душа моя, описание последних месяцев моей жизни» (С. 370). И далее от констатации событий переходит к конкретному обобщению: «Терпение есть главная необходимость для того, чтобы совладеть с жизнью. В этом ежедневно уверяюсь и стараюсь выучиться этой науке, едва ли не самой трудной из всех прочих» (С. 371). Это рассуждение по праву можно назвать прозаическим прологом к стихотворению «Друг мой, жизни смысл терпенье...», написанному буквально в эти же дни: автографу стихотворения предшествует датированная запись: «8 (20) октября 1841 г. Дюссельдорф» (Л. 6). Так что и А.М. Тургенева можно считать адресатом этого стихотворения, где обращение «друг мой» вполне корреспондирует с эпистолярным обращением в письме от 12 (24) октября 1841 г.: «мой добрый, бесценный, всем сердцем любимый друг и брат...».

В письме от 3 ноября н. ст. 1844 г. Жуковский вновь возвращается к теме «жизни как школы терпения». Сопоставляя две жизни, свою и Тургенева: «У нас с тобою одинакая отчасти судьба – оба женились стариками и у обоих по милой дочке; разница, что твоя жена над тобою, а моя со мною; но обе в од-

ном доме и у одного хозяина» (С. 383), Жуковский пишет: «...но жизнь — школа терпения и благо тому, у кого, наконец, станет на сердце легко от привычки говорить как должно: да будет воля Твоя. С этим словом ни за каким лекарством ни в материальную, ни в нравственную аптеку ходить не нужно» (С. 383).

Через два года, в письме от 6 (18) апреля 1846 г., вновь возникает этот лейтмотив, который обретает зримые черты философии бытия: «А пока мы здесь постараемся смиренно пройти дороною терпения, горн души, в котором она может очиститься. Говорю так от того, что именно в счастливейшее время жизни испытал много таких тревог, каких сердце не ведало в прежнем беспечном быте эгоистического одиночества. То, что говорю, не есть однако жалобы, а опыт, высокий опыт души, которая из настоящих благ жизни выводит одну только истину, что жизнь есть школа терпения. А терпение, говорит апостол, дает опытность, опытность надежду, надежда же не посрамит» (С. 388–389).

Эта жизненная философия в пространстве эпистолярной рефлексии Жуковского насыщена реалиями семейного быта. Именно «милому Ермолафу» он исповедуется, как никому другому из своих адресатов, о счастье отцовства, о болезнях жены, о воспитании детей, о своей «полутрактирной жизни» и о страхе «быть зарытым в немецкой земле». Не случайно образ и судьба дочери Тургенева Ольги присутствуют во всех письмах как знак духовной связи с родиной и надежд на возвращение. И не случайно последнее известное нам письмо от 8 (20) ноября 1851 г., написанное за полгода до смерти, звучит как предчувствие конца и надежда на будущее: «Смотри ты, Ермолаф, не сыграй со мной скверной шутки, — дождись меня вопреки двум третям своего осьмого десятка; авось Бог приведет нам будущее весною увидеться; как весело мне будет полюбоваться на мою шестнадцатилетнюю крестницу!» (С. 397).

Философия жизни как школы терпения расширяет антропологическое пространство переписки Жуковского с А.М. Тургеневым и сопрягает ее «поведенческий текст» с текстом эстетическим. Дважды, в письмах от 11 ноября н. ст. 1847 г. и от 27 декабря 1848 г. (8 января 1849 г.), Жуковский подробно говорит о своем переводе «Одиссеи», считая его «своим лучшим, главным поэтическим произведением» (С. 393).

Работа над ним, которому, по словам поэта, он был «обязан столькими сладкими минутами» (С. 395), в контексте эпистолярия Жуковского, в том числе и писем к Тургеневу, обретает почти автопсихологический характер. Мотив возвращения на родину и странствия как блуждания и сомнения, философия терпения и приготовления к переходу в иной мир сопрягают «поведенческий» и «эстетический» тексты в эпистолярии. «Молю Бога, — пишет Жуковский 18 (30) марта 1846 г., — чтобы продлил еще на несколько лет здешнее мое странствие. Счастлив тот, кто может сказать себе в последний час, что он есть сын, возвращающийся к отцу из далекого *странствия*. А я, смотря на прошедшее, должен признаться себе, что был не путешественником, а *бродягою*. Потому-то и дорог мне остальной кусок здешней дороги... а как он долог — кто знает» (С. 387). «Наша жизнь есть странствие по свету...» [27. С. 46] — так в «Двух повестях», «подарке на Новый год издателю «Москвитянина», законченных в самом конце 1844 г., Жуковский поэтически выра-

зил свою концепцию бытия. Эпистолярный, в том числе и письма к А.М. Тургеневу, выводил эту поэтическую формулу в пространство жизни. В этом континууме трагически звучит мотив бесприютности: «...живу в этом омуте, где не имею клочка собственности, где нет у меня моей кровли и где дети не могут выучиться моему языку...» (С. 396) и тяжелой ноши: «...как тяжел этот крест на старых плечах моих» (С. 396). Все это уже предвосхищает настроение и содержание «лебединой песни» Жуковского – его поэмы «Странствующий жид».

Письма Жуковского к другу Ермолафу интересны прежде всего как поведенческий, жизненный текст. Здесь в большей степени, чем в других письмах 1840-х гг., душа поэта нараспашку, как бы в домашнем халате. Поэтому в них больше откровенности, живости слога, когда поэт не стесняется в своих оценках и выражениях. «Немцы перебесились, хотят быть французами, и я должен жить посреди этой отвратительной горячки, в этом госпитале, зараженном французскою болезнью, где все больные гадки и глупы, потому что свой человеческий ум променяли на обезьянский» (С. 394); «Описывать вам, что вокруг меня делается, значило бы забавлять вас изображением вонючего н... и даже посылать вам на пробу частичку того, что содержится в этом н... Прибавлю к этому, что немецкий н... вонючее всякого другого» (С. 396) – эти пассажи, передающие впечатление от революции 1848 г., заостряют ее общую оценку в других письмах и публицистике Жуковского последних лет.

Таковы письма Жуковского к Александру Михайловичу Тургеневу, на первый взгляд письма вполне частные и даже интимные. Но за частностями семейной жизни и мелочами быта в них открываются простор мысли и философия поведения, автопсихологический подтекст творчества Жуковского последних лет. Поистине – «Жизнь и Поэзия одно»...

Литература

1. Еропкина Н.М. Воспоминания об И.А. Крылове // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982.
2. Русская старина. 1885. Т. 47; 1886. Т. 49.
3. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14.
4. Жуковский В.А.: Издание журнала «Русский библиофил». [СПб., 1912. Ноябрь–декабрь].
5. Памятники культуры: Ежегодник. 1979. Л., 1980.
6. Русская старина. 1893. № 1.
7. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Вып. 1. СПб., 1907.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
9. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
10. Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986.
11. Дубровин Н.Ф. Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. 1902. № 4.
12. «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А.Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997.
13. Русская старина. 1892. № 11.
14. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1886. Т. 2, ч. 1.
15. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: Письма. Т. 2. М., 1961.
16. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983.
17. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М., 1986. (Литературные памятники).
18. Назарова Л.Н. Тургенев и О.А. Тургенева // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. 1. М.; Л., 1964.
19. Иловайская (Сомова) Е.С. Воспоминания // Тургеневский сборник. Вып. 4. М.; Л., 1968.

20. *Лебедев Юрий*. Тургенев. М., 1990. (Серия ЖЗЛ).
21. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений: Сочинения. М., 1981. Т. 7.
22. *Русская старина*. 1885. Т. 48. С. 428; 1886. Т. 52. С. 757.
23. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
24. *Тютчев Ф.И.* Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 2.
25. *Янушкевич А.С.* Философия счастья в творчестве В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев: Грани поэтического мира: Сб. статей. Новосибирск, 2007.
26. *Российская национальная библиотека*. Ф. 286. Оп. 1. № 40.
27. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1902. Т. 4.

Архивные источники

1. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) – РО ИРЛИ. Ф. 197. № 11.
2. РО ИРЛИ. Р-1. Оп. 9. № 99.
3. РО ИРЛИ. Ф. 264. Оп. 2. № 3863.
4. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки – РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 40.